

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Л. ЛИГЕТИ

АЛТАЙСКАЯ ТЕОРИЯ И ЛЕКСИКОСТАТИСТИКА

Некоторое время тому назад Дж. Клоусон, видный тюрколог и активный противник алтайской теории, опубликовал на страницах журнала «Вопросы языкознания» интересную статью, располагающую к дискуссии. В этой статье он предпринял новое наступление против алтайской теории, стремясь доказать посредством метода лексикостатистики, что эта теория ошибочна, неприемлема и должна быть отвергнута¹.

Воспользовавшись неоднократными приглашениями редакции журнала участвовать в дискуссии, я кратко изложу мои взгляды на алтайскую теорию; мои замечания будут сгруппированы вокруг вопросов, которые прямо или косвенно были поставлены в полемической статье Дж. Клоусона.

Что можно ожидать с точки зрения алтайской теории от двух списков, каждый на сотню слов (см. табл. 3, стр. 33—37), которые используются глоттохронологией и лексикостатистикой и включают в себя обозначения понятий, рассматриваемые как наиболее важные единицы «основного словаря»?

Однако прежде чем приступать к обсуждению этой проблемы, необходимо поднять более общий вопрос: возможно ли по существу добиться пояснения алтайской теории на основе только лишь показаний лексики?

Нет сомнений в том, что эти показания чрезвычайно ценны, однако, я не думаю, что при разрешении вопроса об алтайском родстве можно было бы опираться только лишь на лексические данные, оставляя в стороне исследование фонетики и грамматических категорий. Не думаю, что этот метод был бы обоснованным для изучения любого другого языкового родства²; тем более представляется мне этот метод недопустимым, когда речь идет о родстве алтайских языков. Нас убеждает в этом история алтаистических исследований.

Здесь достаточно будет напомнить об одном лишь вопросе, относящемся к области фонетики, а именно о ротацизме и ламбдаизме. В самом деле, давнему мнению З. Гомбода была противопоставлена теория, выдвинутая Г. Рамstedтом, — зетацизм и сигматизм, как ее обычно называют. Благодаря непрестанным усилиям его последователей теория Рамstedта получила почти всеобщее распространение, хотя мнение меньшинства всегда имело видных представителей. Судьба этого вопроса, по всей видимости принадлежащего к числу чисто фонетических, для Рамstedта была предопределена его проалтаистическим воззрением, для которого он искал, и не однажды, в зетацизме довод в пользу алтайского языкового родства.

¹ Дж. Клоусон, Лексикостатистическая оценка алтайской теории, ВЯ, 1969, 5 (далее ссылки на эту статью даются в тексте).

² Ср.: A. Meillet, Linguistique historique et linguistique générale, Paris, 1958, стр. 46.

С точки зрения фонетической возможны обе экспликация. Однако если воспринять давнюю теорию Гомбоца (впрочем, позднее Гомбоц сам склонился к объяснению Рамштедта), по которой *г* и *л* восходят к первичным *з* и *š*, создается следующая картина.

В прототюркском устанавливается таким образом *з* и *š*; эти же согласные в чувашском представлены в определенных позициях посредством *г* и *л*. Это ясно и просто. Трудности начинаются, когда пытаются объяснить *г* и *л* в монгольском (не говоря уже о тунгусо-маньчжурских языках). Можно в крайнем случае допустить, что *г* и *л* в монгольском развились независимо от чувашского, но тогда необходимо спросить себя: почему они представлены именно в тех словах, которые есть и в тюркских языках, точнее — в чувашском? Монгольские слова, содержащие *г* и *л*, были заимствованы из чувашского, — отвечали на этот вопрос пятьдесят лет тому назад. Тем не менее, эта гипотеза, которая к тому же не была подкреплена какими-либо хронологическими или географическими данными, могла бы иметь серьезные последствия для алтайской теории. В самом деле, эта гипотеза затрагивает, по всей видимости, наиболее древний слой тюркских и монгольских корреспонденций. В то же время нельзя предположить, что монгольский заимствовал из чувашского (точнее — из предка чувашского языка) только слова с *г* и *л*; если же исключить эти слова, то почти не останется лексического материала, на которой могло бы опираться тюрко-монгольское и тем более — алтайское языковое родство. Вот почему эта гипотеза не имела последствий и была оставлена даже ее автором².

Если же вместе с Рамштедтом отправляться от идеи, что *г* и *л* первичны в тюркском, то следовало бы заключить, что чувашский удерживал без изменений прототюркское состояние и что в других тюркских языках *з* и *š* были инновациями. Состояние монгольского языка не требовало бы комментариев в этом случае, поскольку в нем сохранено состояние протомонгольское, и ничто не мешает нам возводить прототюркские и протомонгольские *г* и *л* к предшествующей алтайской общности.

Как видим, экспликация Рамштедта гениальна с точки зрения алтайской и вполне удовлетворительна с точки зрения монгольской.

С точки зрения тюркской здесь возникает трудность, которую обычно обходят молчанием и которую на деле совсем нелегко устранить. Как произошло, что именно чувашский язык, более других проницаемый для лингвистических изменений, мог сохранить состояние языка первобытного? И что же представляли собой тогда другие тюркские языки, «сверхстойкие к изменениям» (стр. 31), через которые могли бы проникать инновации? Дж. Клаусон не высказался с полной ясностью по этому вопросу, но думается, что не под влиянием воззрений Рамштедта он возводит точку отсчета этой лингвистической эволюции к эпохе, отдаленной на 1500 лет в прошлое (см. стр. 30), — просто исследователю, учитывающему статистические данные, трудно было бы поступить иначе.

Для того, кто все же принял подобную гипотезу, кто полагает, что монгольские (под вопросом) слова не есть след генетических отношений, но происходят от заимствования из тюркского, для того остается выбирать между двумя возможностями. Или он признает, что в прототюркском исходной точкой было *г* и *л* и что заимствование восходит к столь отдаленной эпохе, когда не существовало еще тюркского языка с *з* и *š*. Или же он высказывается за решение смелое, но отнюдь не абсурдное: оно состоит в признании того, что монгольский первоначально не обладал ни *з*, ни *š* (в интервокальной позиции и в конце слога), впоследствии ассимилировал эти согласные в своей собственной фонетической системе, заменив

² См.: J. Németh, Die türkisch-mongolische Hypothese, ZDMG. LXVI, 4. 1912.

что выводы, сделанные на основе глоттохронологических сопоставлений, с точки зрения генетических отношений не имеют ценности (как если бы сравнивать франц. *tête*, латинск. *caput* и русск. *голова* для установления родства или неродства этих трех языков или шире — языков индоевропейских).

Тем не менее мы не отказываемся признать полезность глоттохронологических сопоставлений лексики на основе предложенных двух перечней табл. 3. Необходимо, однако, прежде всего рассмотреть истинные этимологические отношения, которые скрываются за глоттохронологическими различиями слов из этих перечней. Такой подход тем более мотивирован, что в алтаистических исследованиях еще не решен вопрос о том, каковы были те элементы алтайских языков, которые входили в этимологическое гнездо слов.

Приведем несколько примеров этимологических соответствий, которые противопоставляются корреспонденциям глоттохронологическим.

Тюрк. *kögüz* «грудь, женская грудь», неотделимое от тюрк. (чагат.) *kökräk* «сердце», «грудь», *köksäk* «грудь», *kökül* «кормить грудью», имеет в качестве этимологического соответствия в монгольском, наряду с *če'eji* (№ 7 в табл. 3), *kökö* «женская грудь», а в тунгусо-маньчжурских языках: маньчж. *хизин* «1. грудь, 2. молоко», удгейск., орочск. *ики*, негид. *икин*, эвенк. *икин*, *хикун*, *хикуну*, эвен. *iken*. Зато прямым соответствием монг. *če'eji* «грудная клетка», *čegeji* «грудь, верхняя часть груди» (оно противопоставляется тюрк. *kögöz* в табл. 3) в маньчжурском является *čejen* «верхняя часть грудной клетки», но не *tinggen*, как в табл. 3. Правда, алтаисты придерживаются на этот счет другого мнения — по их мнению, монг. *čegeji* этимологически принадлежит к маньчж. *tinggen* «грудь» вместе с нанайск., ульчск. *tingge(n)*, орочск. *tingge*, орочск., удгейск. *tinge*, негид., эвен. *tingen*, солонск. *tingge(n)*, эвенк. *tingen*⁷.

Тюрк. *tobraq* «земля, прах» (№ 12 в табл. 3) имеет отношение к *tobraq*, *tobruq*, *toyruq* в монгольском (ср. монг. *köser*, *široi*, с которыми его сопоставлял Дж. Клаусон). К этой же группе принадлежат, естественно, тюрк. *töz*, монг. *toyosun*, *to'osun*.

Тюрк. *qıl* «волос» (№ 21а), чуваш. *хәлэх* в монгольском этимологически соответствует *kilyasun* «конский волос, грива; 2. струна (инструмента)», *kilqasun* «волос (из хвоста лошади)» (ср. монг. *(h)üül* в табл. 3). В свою очередь, монг. *hüün*, *üsün* «волос, волосы (на теле)» (дагурск. *хизи*, *Тс. хас*; могоorsk. *juDze*) совершенно регулярно соотносится с маньчж. *funtizeze* «волос», читается *fuiŋze*, *fuiŋze* < **fuiŋze*⁸.

Монг. *yar* «рука» следует этимологически связывать с тюрк. *qar* «верхняя часть руки; плечо»⁹ (ср. тюрк. *eig* — № 22 в табл. 3).

Монг. *teri'ün* «голова, глава; начало» (№ 23) не позволяет рассматривать его этимологически вместе с маньчж. *иш*, как это делается в табл. 3 (ср. чжурчжэньск. *иш* то же, чжурчжэньск. *UJU*, чжурчжэньск. XII в. *иш*¹⁰), его следует связывать с маньчж. *deribun* «начало, возникновение». В этой же группе с точки зрения семантической нужно констатировать интересного слова в монгольском: в «Сокровенном сказании» *heki* «голова», монг. *ekin* «начало, источник», дагурск., Тс. *хэ'к'и* «голова». IV. *хэки*,

⁷ См.: G. J. Ramstedt, Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, I — Lautlehre, Helsinki, 1957, стр. 420.

⁸ Другое параллель см.: P. Pelliot, Les mots à h initiale, aujourd'hui amués, dans le mongol des XIIIe et XIVe siècles, JA, 206, avril — juin, 1925, стр. 234; Г. Д. Саянцев, Маньчжуро-монгольские языковые параллели, «Изв. АН СССР», VII серия — Отделение гуманитарных наук, 8—9, 1930, стр. 702.

⁹ Другое параллель к этому слову см.: G. J. Ramstedt, указ. соч., стр. 48.
¹⁰ См.: L. Ligeti, Mots de civilisation de Haute Asie en transcription chinoise, «Acta Orient. Hung.», I, 1950, стр. 153. Корреспонденция в других тунгусо-маньчжурских языках см.: G. J. Ramstedt, указ. соч., стр. 125.

могорск. *xeGi* «источник, начало». Это монгольское слово этимологически следует соотносить с маньчж. *fexi* «1. голова, мозг, ум; 2. память». Другое (смысловое) корреспондентное этого слова — тюрк. *māyi*, *māyi*, *bāyi* «мозг (головной)»; венг. *fej*, *fő*, фин. *pää*¹¹.

Тюрк. *būyüz* «рог» (*mūyüz*, *mūfüz*, *mūgüz*, *mūriz*) связывается с монг. *mögeresin* «хрящ», калм. *mörsin* «хрящ, род хряща или рога» (ср., однако, монг. *eber* «рог» — № 25 в табл. 3.). В тунгусо-маньчжурских языках имеются еще: маньчж. *buge* «хрящ»; нанайск., ульчск., орокск. *bukse*, орокск. *uskē*, эвенк. *buksgkēn* «хрящ»¹².

Тюрк. *üz* (*düz*) «колено» (венг. *térd*) этимологически сопоставляется не с монг. *ebüdüg* (№ 26 в табл. 3), но с монг. *türei* «голеньщик сапога», калм. *türē* то же. Другие эквиваленты — маньчж. *ture* «голеньщик сапога», нанайск. *turękse* «голеньщик», ульчск. *tingkse*, орокск. *turękse*, орокск. *tijaksa*, эвенк. *tirękse*, *turęj*, *tirękte*, *tirękše*, *tiręxę*¹³. Маньчж. *buxi* «бедро, ляжка» (*buxi adame te* — «сидеть колено к колену»), сопоставленное в табл. 3 с тюрк. *üz*, этимологически соотносимо с монг. *böke* «выпуклый край у игральные бабки», калм. *bök* «тыльная часть у игральные бабки», бурят. *bixē* «задняя часть туловища, зад»¹⁴. Здесь необходимо считаться с монг. *bögse* «зад», калм. *böks* «задние ноги (у животного), зад» и т. д.; см. также маньчж. *buksu* «нижняя часть спины, часть ниже крестца».

От монг. *qabar*, *qamar* «нос» (№ 37) неотделимы монг. *qangsiyar*, *qongsiyar* «верхняя часть носа, переносица; рыло» так же, как маньчж. *qangsari*, *qangsiri* «переносица»¹⁵.

Монг. *huja'ur*, *ija'ur* «корень; происхождение», противопоставляемое в табл. 3 маньчж. *da* (№ 41), этимологически соответствует маньчж. *fujiuri*¹⁶.

Тюрк. *qut* «песок» (этимологически несовместимое с монг. *elesün* — ср. № 42 в табл. 3) соотносится с монг. *qutaу*, *qutaki* «мелкий песок, песчинка; водяная пыль», калм. *qut* «песок, пыль», *qut*¹⁷ «пылинка, песчинка». Тюрк. *qayir* «песок», также противопоставляемое монг. *elesün* в табл. 3, соответствует монг. *qayir* «гравий; крупный песок, речная галька».

Тюрк. *игу* «семья», в табл. 3 стоящее рядом с монг. *hüre* (№ 43), соотносится с *игу* «родня, члены семьи» в «Сокровенном сказании», с монг. *игу* «семья, родственники по женской линии; род, племя». Вместе с тем монг. *hüre* «семья» (монг. *ür-e* «плод; потомок»), противопоставленное в табл. 3 маньчж. *use* «зернышко», связывается с маньчж. *furi*, *fursun* «молодые побеги зерновых, цветов и других растений; прирост, развитие», нанайск. *puril* «дети», ульчск. *purul*, негид. *хил*, солонск. *uril*, эвенк. *хурт*¹⁸.

Монг. *kelen* «язык» (№ 50), вместе с *kele-* «говорить, уведомлять, сказать, высказывать, называть», *kelegei* «немой; заика», имеет этимологические эквиваленты в тюркском *käläfi*, *käläči* «слово», чуваш. *kala-* «говорить, сказать» и в маньчжурском *zele*, *zelen* «способностей говорить; ласутчик»¹⁹.

¹¹ См.: L a k ó G у., A magyar szókészlet finn-ugor elemei, I, стр. 188—189.

¹² См.: Г. Д. С а н ж е е в, указ. соч., стр. 688; G. J. R a m s t e d t, указ. соч., стр. 120.

¹³ См.: G. J. R a m s t e d t, указ. соч., стр. 112.

¹⁴ См.: Г. Д. С а н ж е е в, указ. соч., стр. 688.

¹⁵ См.: там же, стр. 675.

¹⁶ См.: P. P e l l i o t, указ. соч., стр. 223; Г. Д. С а н ж е е в, указ. соч., стр. 703.

¹⁷ См.: G. J. R a m s t e d t, Ein anlautender stimmloser Labial in der mongolisch-türkischen Ursprache, JSFOu, XXXII, 1916—1920; P. P e l l i o t, указ. соч., стр. 237.

¹⁸ См.: C. J. R a m s t e d t, Einführung..., I, стр. 47. Финно-угорские и самодийские эквиваленты для этого слова см.: L i g e t i L., Mongolos jövevényszavaink kérdése, NyK, XLIX, 1—3, 1935, стр. 258—259.

У монг. *modun* «дерево» (№ 52) имеется непогрешимое этимологическое соответствие маньчж. *mo* (=мб); ср. также нанайск., ульчск., орокск., ороцк. мб, эвенк. мб, солонск., негид., эвен. *mo*¹⁹.

Тюрк. *ar-qa* «спина (анат.)» (в табл. 3 — № Д3), вместе с *ar-t* (то же), этимологически связывается с монг. *aru* «спина; тыл». Их другие корреспонденции — удгейск. *aka* «спина», орокск. *atta*, ороцк. *akka*, негид. *ajkan*, эвенк. *arkan*, эвен. *arkan*²⁰.

Маньчж. *puta* «веревка, шнур», противопоставленное в табл. 3 монг. *de'esün*, *degēsün* (Д 25), имеет регулярное соответствие в монг. *hutasun*, *utasun* «шнур, нить, шелковинка»²¹.

Монг. *hon*, *on* «года», которое в табл. 3 стоит рядом с маньчж. *aniya* (Д35), имеет этимологический эквивалент маньчж. *fon* «время; пора»²².

Монг. (Сокр. сказ.) *kōbši-* (правильно: *kōši-*) «замерзать», монг. *kōši-* «окоченеть (о трупе)», калм. *kōš-* «окоченеть, оцепенеть; плохо чувствовать себя, быть нездоровым; протянуть ноги», из которых первое противопоставлено в табл. 3 тюрк. *long-* (Д82), на деле эквивалентно тюрк. *kōš-ül-*. В то же время приводимое здесь маньчж. *beje-* «замерзать» (ср. еще нанайск. *beje-* «замерзать», ульчск. *bei-*, негид. *begi-*, эвенк. *begi-*, *bei*, эвен. *begi-*, *bei*) этимологически соответствует монг. *begete-* «замерзнуть совершенно, окоченеть», калм. *bēg-* «окоченеть (от холода)»²³.

Любой язык может выражать понятия в соответствии со своим «основным словарем» не только при помощи слов с неизменными основами, но также посредством производных слов. Производные могут быть очень древними, в известных случаях они могут зародиться в периоды, непосредственно следующие за отделением языка от языка-основы. Когда рассматривается «основной словарь» языка-основы, ясно, что эти производные не принимаются в счет, а привлекаются только слова, от которых они произошли.

Позволю себе отобразить несколько примеров из финно-угорских языков, которые с точки зрения алтайской теории гораздо более показательны, чем языки индоевропейские. Венг. *csillag* «звезда» явным образом принадлежит к «основному словарю» венгерского языка, хотя здесь речь идет о производном от глагола *csill-og* «светиться». С точки зрения финноугроведческой все же здесь «основным» может считаться только глагол, потому что существительное в этой форме и с этим значением было образовано уже во время независимого существования венгерского языка²⁴. То же самое можно сказать и о венг. *vörös* «красный», прилагательном, образованном от существительного *vér* «кровь»²⁵.

В табл. 3, составленной Дж. Клаусоном, содержится большое число подобных примеров. Взятый в отдельности каждый пример корректен, возражать против его включения в «основной словарь» тюркского языка соответственно: монгольского, маньчжурского) нельзя. Однако с точки зрения алтайской основной лексики (если только таковая когда-нибудь существовала) в отношении большей части случаев, конечно, нельзя сказать, что это слова корневые. Вот несколько примеров.

¹⁹ Было бы странно, если бы народы, живущие в лесистых областях, заимствовали слово «лес» из китайского (см.: Дж. Клаусон, указ. соч., стр. 40); к тому же такое заимствование было бы недопустимо с точки зрения фонетической, ибо конечный согласный кит. *ш*, др.-кит. *шюк* исчез только после IX в.

²⁰ См.: G. J. Ramstedt, *Einführung...*, I, стр. 139.

²¹ См.: P. Pelliot, указ. соч., стр. 225; Г. Д. Санжеев, указ. соч., стр. 702.

²² См.: P. Pelliot, указ. соч., стр. 218; Г. Д. Санжеев, указ. соч., стр. 702; G. J. Ramstedt, *Einführung...*, I, стр. 53.

²³ См.: G. J. Ramstedt, *Einführung...*, I, стр. 91.

²⁴ См.: Lakó Gy., указ. соч., I, стр. 117—118.

²⁵ См.: Bárczi G., *Magyar szófaját szótár*, Budapest, 1941, стр. 342.

Тюрк. *ayız* «рот» (№ 33) — производное от слова *ay* «отверстие»²⁴. Равным образом и монг. *атап* «рот» является производным; оно неотделимо от монг. *ангуа-йи* «открываться, раскрываться», калм. *ауэ*²⁵ «держат открытым (рот)», *ауэа* «быть открытым, иметь щель». То же самое можно сказать о маньчж. *ангуа* «рот, зев, отверстие, дыра, щель» (с маньчж. *ангуа* следует еще связать чжурчжэньск. Мин *атга*, чжурчжэньск. Цзинь *атга*²⁶); тунгусо-маньчжурские корреспонденция: нанайск., ульчск., удгейск., орокск. *ангта*, орокск., солонск. *атта*, нанайск., орокск., негид., эвен. *атнга*, эвенк. *атнга*²⁷.

Производным является тюрк. *соуи* «холодный» (№ 58), корневое слово которого — *соу* «быть холодным» — соответствует следующим словам: монг. *соуи* < **соуи* «позволить лошади остыть», маньчж. *соуо* «привязывать потных лошадей или волов, чтобы они остыли»²⁸.

Производным является тюрк. *уаил* «зеленый» (№ 62); его корневое слово — *уа* «свежий, молодой». Монгольское слово соединило в себе два этих значения: *подо'ан* «свежая зеленая трава» в «Сокровенном сказании», монг. *поуоуан* «зелень, зелень травы, трава, овощ; зеленый»; калм. *поуэн* «трава, зеленый». С монгольским словом непосредственно связывается маньчж. *ниwanggiуан* «1. зеленый; зелено-голубой, голубой». Орфографически маньчжурское слово соответствует произношению *ниwanggiан*, которое восходит к форме *ноа-уан*; ср. в чжурчжэньском формы *но-gian* и *hongian*.

Тюрк. производное *гизил* «красный» (№ 67) восходит к глаголу *гиз* «быть раскаленным, пламенеть, алеть»²⁹. Точно так же производным является монг. *хула'ан*, *улауан* «красный», ср. *хула* «быть раскаленным докрасна» в «Сокровенном сказании», монг. *ула-йи* «становиться жгуче красным, краснеть; созревать (о плодах, становящихся красными)»; калм. *ула* «быть красным, становиться красным». Непосредственно с монгольским связываются маньчж. слова *хулахон* «коричневый с красноватым», *хулата* «с красными кругами под глазами; иметь красные глаза», *хулгиуан* «красный». Это последнее слово засвидетельствовано в чжурчжэньском не только в эпоху Мин, но и в эпоху Цзинь.

Производным является монг. *ца'уан*, *ца'ан*, в «Сокровенном сказании» *цага'ан*, *цагэн*, «белый»; ср. в «Сокровенном сказании» *цауи* «становиться (белым) ясным», монг. *ца-йи* «1. становится белым, белеть; 2. бледнеть; седеть», калм. *ца* «становиться или быть белым, становиться или быть ясным». Непосредственно с монгольским связывается маньчж. *sanggiуан* «белый». Оно засвидетельствовано в чжурчжэньском (эпохи Мин) в форме *SA-gian*. Маньчжурская и чжурчжэньская формы восходят к *ца-уан* (изменение *э* < *ё* в маньчжурском и чжурчжэньском подтверждается многочисленными примерами).

Производным является тюрк. *толу*, *долу* «полный» (№ 60); оно связывается с формами *тол* «наполняться», *то-а* «наполняться (о желудке)», *то-а* «сытый» < *то*³¹. То же можно сказать о монг. *дү'аренг*, *дү'арен*, *дүгүренг*, которые Дж. Клоусон приводит в параллель этому тюркскому слову;

²⁴ О финно-угорских эквивалентах этого слова см.: J. N é m e t h, *Probleme der türkischen Urzeit*, «Analecta orientalia memoriae A. Szöme de Körös dicata», I, Budapestini, 1942, стр. 70—71.

²⁵ «Acta Orient. Hung.», III, 3—4, 1953, стр. 227.

²⁶ См.: G. J. R a m s t e d t, *Einführung...*, I, стр. 140.

²⁷ См.: там же, стр. 88.

²⁸ См.: G. J. R a m s t e d t, *Einführung...*, I, стр. 112.

³¹ См.: A. v. G a b a i n, *Altürkische Grammatik*, Leipzig, 1950, стр. 74; C. B r o c k e l m a n n, *Ostürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens*, Lf. 1 — 7, Leiden, 1951—1954, стр. 96.

ср. *dū'ūr* — «быть полным» в «Сокровенном сказании», монг. *dūgūr* — «наполняться, быть наполненным».

Производным является тюрк. *qār* «снег» (Д 30); ср. у Махмуда Кашгарского *qa* — «снежная буря»³²; точно так же *ša-sip* «снег» в монгольском уязвывается с уже упоминавшимся глаголом *ša-yi* — «быть белым»³³. Можно было бы увеличить перечень таких примеров.

Во втором перечне табл. 3 — «Дополнительные единицы» — также выделяются формы, снабженные побочными окончаниями. Эти формы, само собой разумеется, не могут быть зачислены (хотя бы и под вопросом) в «основной словарь» различных ветвей языков, тем более — в словарь предполагаемого алтайского языка-основы.

Таково тюрк. *birdä* «с; вместе» (Д74). Корневое слово во всяком случае — *bir* «один». По мнению Габен, это деепричастие от глагола *biril-* «объединяться»; употребляясь как послелог, оно имеет значение «с», «и», в форме же эллиптической (т. е. независимой), без предыдущего имени, оно обозначает «вместе»³⁴. Броккельман полагал, что это слово образовалось в результате фuzии *bir* «один» и *ilä* (деепричастия от глагола *il-* «присоединяться») — *birdä* представляет собой образование, аналогичное таким, как *tünlā künlā* «день и ночь», *tangla* «утром», *yünilä* «снова», *qatla* «раз» и т. п. Тюрк. *birdä*, противопоставляемое Клоусоном монг. *qantu*, точно соответствует монг. *nigen-e* «вместе, на том же месте», которое фигурирует уже в «Сокровенном сказании» в той же грамматической форме и в том же значении. Слово представляет собой форму *nigen* (*niken*), осложненную суффиксом датива-локатива. Маньчж. *emgi* «коллективно, вместе с, с» равным образом связывается с *emü* «один» и представляет собою не что иное, как сложение этого слова со словом *ergi* «сторона, бок». Кроме того, в маньчжурском есть образование, морфологически идентичное монгольскому *nigene*, — *emde* (< *emu-de*) «вместе с, с».

Тюрк. *godī* (Д66), в качестве послелога означающее «по направлению вниз» (эллиптически: «вниз»), — не что иное, как деепричастие от глагола *god-* «власть»³⁵. Монг. *doogo* представляет собой форму имени *doo*, снабженную падежным окончанием -*ro* (-*ra*, -*re*); ср. *doodu* «нижний; основа», *dooyur* «нижний, под». Тот же корень, имеющий при себе окончание директива -*ysi* (-*gsi*), дал *dooyisi*. Второй компонент в маньчж. *fejergi* (форма *fejirge* — не более, чем липсус) «нижняя сторона, внизу» — слово *ergi* «сторона, направление». Маньчж. *fejile* представляет собой форму *feji* «нижняя часть» (< **pergi*), снабженную архаическим окончанием локатива -*la*; это окончание сохранилось в маньчжурском только в наречиях: *dolo* «внутри, внутрь», *wala* «внизу»³⁷.

Тюрк. *örü* «вверх» — деепричастие от глагола *ör-* «подниматься»³⁸. Форма *yogaru*, приведенная в табл. 3 как синоним (Д71), представляет тот же тип образования с падежным окончанием, а именно — окончанием директива -*ru* (в известных случаях -*garu*)³⁹. Монг. *de'ere*, *dege-re* и *de'egsi*, *dege-gsi* равным образом являются формами, осложненными показателями локатива и директива -*ra* (-*re*) и -*ysi* (-*gsi*). Маньчж. *dergi* «вверх» — образование, по своему составу аналогичное *fejergi*. Маньчж. *dele* «верхний, высший, главный» — всего лишь форма, оснащенная окончанием локатива.

³² См.: С. Brockelmann, указ. соч., стр. 96.

³³ См.: G. J. Ramstedt, Einführung..., I, стр. 64.

³⁴ См.: A. v. Gabain, указ. соч., стр. 136.

³⁵ С. Brockelmann, указ. соч., стр. 182.

³⁶ См.: A. v. Gabain, указ. соч., стр. 137; С. Brockelmann, указ. соч., стр. 183.

³⁷ См.: J. Balzang, Die tungusischen Sprachen. Wiesbaden, 1956, стр. 84.

³⁸ См.: С. Brockelmann, указ. соч., стр. 167.

³⁹ См.: A. v. Gabain, указ. соч., стр. 140.

Здесь следует заметить, что корневые слова «основного словаря», обнаруживаемые в монгольском и в тунгусо-маньчжурских языках, идентичны.

Тюрк. *anta* «там» (Д70) и *bunta* «здесь» (Д67) — указательные местоимения *ol* и *bu* в локативном падеже⁴⁰. То же самое наблюдается в монгольском: *ende* «здесь» — представляет собой *ene* «этот» в локативном падеже, *tende* «там» — *tere* «тот» в локативном падеже. Маньчж. *terede* и *erede* — устаревшие формы локатива местоимений *tere* «тот» и *ere* «этот»; эти формы были заменены формами *tede* и *ede*.

Тюрк. *kim* «кто?» (№ 77), *qalı*, *qanta* «как?» (Д68), *qaçan* «когда?» (Д72), *qanta*, *qanı* «где?» (Д73) и монг. *ken* «кто?» (№ 77), *ker* «как?» (Д68), *keli*, *kejiye* «когда?» (Д72), *qa'a* «где?» (Д73), *qamtu* «вместе с» (Д74) одинаково являются производными; их рассмотрение увело бы нас слишком глубоко в сопоставление алтайских языков⁴¹.

Два перечня табл. 3, каждый по сотне слов, содержат единицы, которые в дальнейшем рассматриваются Дж. Клоусоном как исконные, поскольку слова, обозначающие первичные понятия, вероятно, составляли часть «основного словаря» во всех языках. Этот тезис неоспорим, если исходить из мысли, что приведенные в табл. 3 перечни слов могли бы войти в «основной словарь» известных языков. Нельзя, однако, вовсе не принимать во внимание хотя бы то положение, что основная лексика языков, развивавшихся независимо друг от друга, никогда не бывает идентичной лексике соответствующей праязыковой общности. Проиллюстрирую сказанное несколькими примерами из финно-угорских языков.

Перечень «диагностических единиц» в табл. 3 имеет в своем составе названия цветов — «белый», «черный», «красный», «желтый»; почему-то отсутствует «голубой»; из дополнительных цветов приведен «зеленый». В венгерском два из этих названий — «черный» и «белый» — имеют финно-угорское происхождение; на этом основании они включены в категорию корневых слов угорского праязыка; включение же этих венгерских слов в «основной словарь» финно-угорского праязыка требует более осторожного подхода⁴². Слово *vörös* «красный» является производным от существительного *vér* «кровь», и в этой форме оно уже не фигурирует в «основном словаре» финно-угорских языков. До IX в. венгерский язык заимствовал из тюркского языка типа древнего чувашского (протобулгарского или хазарского) слова *kék* «голубой» < *kök* (монг. *köke*) и *sárga* «желтый» < *şarı* (монг. *sira*)⁴³. Слово *zöld* «зеленый» вошло в венгерский относительно поздно (некогда оно заменялось словом *kék* «голубой»), проникнув, вероятнее всего, из какого-то иранского языка (может быть, из языка ясов, ср. осет. *zäldä*)⁴⁴.

В так называемых алтайских языках картина такова: «черный» (в тюркском и в монгольском *qaraŋgı* «темный», безусловно, производное от *qara*), «голубой», «желтый» являются общими для тюркского и монгольского;

⁴⁰ См.: A. v. G a b a i n, указ. соч., стр. 93, 94.

⁴¹ Об алтайских указательных местоимениях *e* и *te*, а также об указательных, воспрителных и неопределенных местоимениях **ya-*, **ke-*, **ya-*, **ye-* см.: G. J. R a m s e d t, Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, II — Formenlehre, Helsinki, 1952, стр. 74—81. Подробно см.: A. v. G a b a i n, указ. соч., стр. 99—103; N. P o r p e, Introduction to Mongolian comparative studies, Helsinki, 1955, стр. 225—231; J. B e n z i n g, указ. соч., стр. 112—115.

⁴² См.: L a k ö G y., указ. соч., I, стр. 188, 192.

⁴³ См.: Z. G o m b o c z, Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarische Sprache, Helsinki, 1912, стр. 91, 114 (MSFOu, XXX).

⁴⁴ См.: B á r c z i G., A magyar szókincs eredete, Budapest, 1951, стр. 54 (здесь оно фигурирует среди слов алашского происхождения). Необходимо заметить, что в алтайских языках, как и в некоторых языках американских индейцев, в «основной словарь» вошло, против ожидания, не «голубой», а «зеленый». См.: W. K o t w i e c z, Contributions aux études altaïques, RO, VII (1929—1930), 1931, стр. 223—224.

«красный», «зеленый» — производные от различных для тюркского и монгольского образований, как и «белый» в монгольском; наконец, «белый» и «зеленый» являются общими для монгольского и маньчжурского.

Названия частей тела, несомненно, занимают важное место в «основном словаре» каждого языка. Нетрудно также уразуметь, что названия частей тела, признанные «диагностическими единицами», могут быть вторичного образования или даже быть заимствованными. В этом отношении нет нужды объяснять, как венгерский язык до IX в. заимствовал из тюркского имена *boka* «лодыжка», *gyutog* «желудок», *kar* «рука», *köldök* «пуп», *térd* «колени». Как, однако, случилось, что три из этих названий — «рука», «пуп» и «колени» — оказались в тюркской основной лексике (ср. в табл. № 22, 26, Д24)? Каким образом получается, что финно-угорский «основной словарь» располагает названием, по-видимому, тоже дифференцирующим («диагностическим»), *aguag* «иклык», тогда как тюркский его не знает, хотя имеется безукоризненная тюрко-монгольская корреспонденция (тюрк. *azıq* «иклык» — монг. *agaqa* «коренной зуб» — маньчж. *arᡤᡳᡳᡤ* «зуб»)? Это явное противоречие объясняется тем, что «основной словарь» невозможно свести к какому-либо непреложному перечню непререкаемой подлинности; в действительности «основной словарь» может существенно различаться по языкам и в еще большей мере — по семьям языков. Это возмещение, притом, поддерживается представителями глоттохронологии и лексикостатистики⁴⁵.

Мы стремились показать, что этимологические соответствия из двух списков Дж. Клоусона позволяют обнаруживать чрезвычайно дифференцированное и богато разветвленное переплетение. Со своей стороны, пока что я не отваживаюсь делать выводы процентно-счетного порядка о большом числе таких соответствий. Приступить к рассмотрению этого вопроса предстоит будущим исследователям.

Вместе с тем можно сказать уже сейчас, что в свете многочисленных соответствий глоттохронологические разногласия и согласованности будут выглядеть совершенно по-новому.

Нет нужды вводить добавочную аргументацию с тем, чтобы показать, какую серьезную помощь может оказать нам глоттохронологический и лексикостатистический метод в изучении таких проблем, как хронология отделения османско-турецкого и азербайджанского языков или — в случае генетического родства — отделения тюркского и монгольского языков и т. д. И все же представляется, что даже в этом случае сдержанность, проявленная Д. Хаймзом относительно использования глоттохронологического метода в целях генетических⁴⁶, была обоснованной. По существу этот метод не годится для доказательства родства или неродства алтайских языков.

Впрочем, неродство языков, на мой взгляд, чрезвычайно трудно доказать. Доказать можно только то, что два (или более) языка родственны и восходят к одной праязыковой общности. Такое доказательство может оказаться неудовлетворительным, оно может быть отвергнуто, и это критическое отношение может сохраняться довольно долго, пока более убедительная, безукоризненная аргументация не выудит нас оставить свою критическую позицию.

⁴⁵ Д. Н. Н у ш е в, указ. соч., стр. 7.

⁴⁶ Вот по существу вывод Д. Хаймза (указ. соч., стр. 19): «В принципе глоттохронология может быть применима только после того, как компаративный метод расширит ей путь». И далее на стр. 31: «Спрашивается: „Может ли контрольный список на сто слов быть достаточным для исследуемых временных плесов глубокой древности?“ Должно быть ясно, по-моему, что ответ будет положительным. Встреч вопрос таков: обеспечит ли подобный список доказательства генетических отношений глубокой древности — и здесь зачастую ответ должен быть отрицательным».

Вопрос о родстве алтайских языков в течение более чем ста лет является предметом живого обсуждения; не раз оно приводило к накалу страстей, да и в наши дни полемика разгорается еще достаточно горячо. Точки зрения полярно противоположны: сторонники алтайского языкового родства восприняли априористическую точку зрения и отныне полагают излишним представлять новые доказательства; противники алтайского языкового родства закинулись в неуклонном отрицании и относительно любых соответствий допускают только две возможности — «случайное соответствие» и «некорректное сближение».

В самом деле, родство, т.е. происхождение от одного общего алтайского языка языков тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских (не говоря уже о корейском, а также о других возможных отношениях) вплоть до наших дней еще не получило безукоризненного обоснования. Алтайская языковая общность не доказана так, как это сделано, например, в отношении языков индоевропейских или финно-угорских. Это может иметь две причины. Либо, действительно, так называемые алтайские языки не восходят к общему праязыку, и, следовательно, они не являются родственными. Либо, напротив, в деле они родственные языки, но их обличье, известное теперь (или же обличье более древнее), явилось результатом эволюции столь специальной и неравномерной, что их родство не может быть доказано сообразно известным моделям (индоевропейских, финно-угорских и т. д.), и ничто не указывает нам с достоверностью на путь, ведущий к праязыковой общности.

Если так называемые алтайские языки действительно родственны, то их родство может быть доказано только путем иррегулярным — таким же иррегулярным, каким было развитие этих языков; только этим путем будет произведено трудное, но иначе не осуществимое, распознавание их родства.

Алтайские языки не располагают письменными источниками столь обильными и древними, как у индоевропейских языков. Письменная история алтайских языков совсем не так продолжительна, как у индоевропейских языков; не уравниваются эти языковые группы и в отношении степени дифференциации их многочисленных представителей. Алтайские языки в отношении своих ответвлений еще более бедны, чем языки финно-угорские; к тому же они рассеяны по огромной территории. Наконец, необходимо учитывать и то обстоятельство, занимающее отнюдь не последнее место, что эти языки и народы, которые говорят на них в течение двух тысячелетий (а, может быть, и дольше), постоянно контактировали между собой, как об этом свидетельствуют письменные источники. Эти контакты, взаимно обогащая алтайские языки, неизбежно нивелировали их возможное общее праязыковое наследие. Судя по историческим источникам, наиболее интенсивные взаимоотношения установились между тюрками и монголами, с одной стороны, а с другой — между монголами и тунгусо-маньчжурами.

Все эти затруднения с необыкновенной силой проявляются при изучении лексики. Каждый из так называемых алтайских языков широко использовал возможности, предоставлявшиеся в области внутреннего обновления лексики, и создал систему производства слов, которые образовывались на основе имеющейся корневой лексики. Изучение роли табу в ходе этого развития предпринималось неоднократно⁴⁷, однако проблема эта никогда не обсуждалась во всем ее объеме. Пока еще не удалось понять, почему и с каких пор в тюркском существует столько производных среди

⁴⁷ См. об этом: N. A. Baskakov, *Vestiges de tabou et de totémisme dans les langues des peuples altaïques*, VIII Congrès International des anthropologues et des ethnologues, Moscou, 1968.

названий частей тела: *adaq* «нога» < *ad-* «шагать», *boqaz* «горло» < *boq-* «сдавливать, быть сдавленным», *buḡun* «нос» < *buḡ-* «дышать, нюхать»; *yūrāk* «сердце» < *yūr-* «двигаться», *qaraq* «глаз» < *qara-* «смотреть», *tirnaq* «подошва» < *tir-* «сдвигаться»⁴⁸. Интересно отметить, что в некоторых эскимосских диалектах названия частей тела табуированы⁴⁹. На протяжении своего контактирования изучаемые языки передали и заимствовали значительное число слов (пропорции заимствований и отдач, разумеется, никогда не были идентичными). Заимствования не раз отодвигали элементы основной лексики на периферию языка, откуда они не замедляли исчезнуть. Этот процесс может быть проиллюстрирован современными примерами. Так, например, замечено, что из монгольского исчезло множество древних монгольских слов — они уступили место своим таджикским эквивалентам, среди которых, помимо слов исконно иранских, выделяются лексемы тюркского или иного происхождения.

Нельзя, наконец, забывать, что на протяжении их долгой истории, которую невозможно выверить по письменным источникам, так называемые алтайские народы могли вступать в контакты, в соответствии с чем необходимо считаться с субстратом или суперстратом в их языках. Вопрос о языковом субстрате уже был поднят в применении к языкам тунгусо-маньчжурским⁵⁰. Необходимо, кроме того, удалить совершенно особое внимание исчезнувшим палеоазиатским языкам. Следует считать, что, начиная с VI в. по меньшей мере, в районе истоков р. Енисей бытовали самодийские языки; их присутствие в этом районе подтверждается не только китайскими источниками, но и топонимическими материалами. Древняя история монгольского и маньчжурского языков в свою очередь не может быть воспроизведена без учета языка корейского.

Со своей стороны, я полагаю, что весьма значительное число соответствий, представляемых лексикой так называемых алтайских языков, в большинстве своем связано с заимствованием. При всем том следует остерегаться подходить к этой огромной теме с одной единственной меркой «заимствования». Заимствования не датируются одной и той же эпохой. Почти каждый значительный период контактов двухтысячелетней давности имел свой собственный лексический слой. Хронология (никогда — только относительная хронология) этих слоев заимствований могла бы быть установлена только в результате тщательных и неотступных исследований. Более древний и менее многочисленный из этих слоев, без сомнения, будет иметь в своем составе следы общей лексики алтайского праязыка — если только таковой существовал. Что же касается числовых размеров этого слоя, на этот счет лучше не заблуждаться. Позволю себе напомнить поучительный пример, приведенный П. Аалто: он показал, что число общих корреспонденций индоевропейского происхождения в языках шведском и греческом почти не превышает шестидесяти, причем и среди них некоторые слова трудны для распознавания, см. *ifjinnå : persi* «прошлый год»⁵¹. Если лексический материал этих двух языков сопоставить по спискам ста «диагностических единиц» и ста «дополнительных единиц», то на основе этого вряд ли представится возможность объективно судить о генетических отношениях шведского и греческого, не говоря уже об индоевропейском родстве. При учете насыщенной передачей истории алтайских язы-

⁴⁸ См.: Munkácsi B., *Türkisch burun*, KSz, XIV, 1914—1915, стр. 352; J. Németh, *Probleme der türkischen Urzeit*, стр. 72—73.

⁴⁹ См.: K. Bergsland, *Is lexico-statistic dating valid?*, «Proceedings of the XXXII. International congress of americanists. Copenhagen, 8—14 August 1956», Copenhagen, 1958, стр. 655—656.

⁵⁰ См.: Г. Д. Санжеев, *указ. соч.*, стр. 707—708.

⁵¹ P. Aalto, *Uralisch und Altaisch*, UAFB, 41, 1969, стр. 334

ков естественно, что лексикостатистическая таблица помогает обнаружить иррегулярность: именно в случае генетического родства различные алтайские языки дадут чрезвычайно низкий процент общих элементов алтайского «основного словаря» и чрезвычайно высокий процент элементов, относящихся к лексике после отделения языков.

На мой взгляд, не лексикостатистика и не глоттохронология определяют будущее алтаистических исследований. И если даже в один прекрасный день мы будем вынуждены отказаться от гипотезы генетических отношений между так называемыми алтайскими языками, не будет никаких причин прекращать алтаистические исследования: в этом случае их целью станет освещение интенсивных контактов между этими языками и тех глубинных закономерностей, к которым ни тюркологи, ни монголисты, ни специалисты по тунгусо-маньчжурским языкам сами по себе не могут даже приблизиться. Научный спор в области названных сложных проблем способствует прояснению многих их деталей и появлению ряда ценных работ, среди которых видное место занимают работы Дж. Клоусона, выдающегося противника алтайской теории, успешно обогащающего алтаистику.

Перевела с французского Г. Ф. Благоса